

Борис Вишняков

Про Лизавету и михрялку
Дусю

0+

Борис Георгиевич Вишняков

Про Лизавету и михрялку Дусю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56813123

SelfPub; 2020

Аннотация

Все рассказывают или читают своим внукам на ночь сказки. И я читал и рассказывал, пока было что рассказывать и читать. Все было прочитано и пересказано по несколько раз. А внучке хотелось чего-то новенького. Да и мне поднадоело из вечера в вечер повторять одно и то же. Вот и пришло в голову сочинить сказку самому. Получилось то, что получилось. Когда внучке не нравится, она так и говорит: “Расскажи что-нибудь другое”. У каждого есть право дочитать до конца или прервать чтение на самом неинтересном месте. Любопытно, а ты дочитаешь?

Глава 1

Как михрялка превратилась в Дусю

Жила-была на свете одинокая карликовая михрялка. Карликовая потому, что маленького размера. А одинокая, потому что жила одна и никого у нее не было: ни родных, ни друзей, ни знакомых. А еще, одинокими бывают, потому что тебя не любят не только родные и знакомые, но и чужие и совсем не знакомые. Сами подумайте, если вы михрялка, какие могут быть у вас друзья и знакомые? Нет, и еще раз – нет! Что, вы не знаете, кто такая михрялка?

Михрялка, это такое животное. Размером с маленькую кошку. Мохнатое, с длинной серой шерстью. С коротенькими лапками. Лапки с длинными острыми когтями (чтобы было легче лазить по деревьям). С мохнатой мордочкой, на которой только и видно два больших глаза и черный блестящий нос. С мохнатым, как и она вся, хвостом. С ушами, похожими на кошачьи. Только на концах, кисточки, как у рыси. А если михрялка откроет рот, вы будете неприятно удивлены. Рот, от уха до уха, усеян множеством, треугольных острых, как бритва, зубов.

Ладно бы, внешний вид – ко всему можно привыкнуть. Привыкают же, и даже любят, например, лысых кошек или, скажем, пауков. Но михрялки еще и пахнут. Редко, кто выдержит рядом с михрялкой больше трех минут. Такой от них исходит отвратительный запах. Потому, про них даже уче-

ные почти ничего не знают. Кому охота исследовать такое неприятное животное, которое к тому же, исчезающий вид. Пока исследуешь, оно исчезнет. Его даже в Красную книгу не занесли, потому что неприятное.

Среди животных, у михрялки врагов не было. Запах отгонял даже самых голодных хищников. А вот с людьми, дела обстояли похуже. Люди не любят тех, у кого во рту много зубов (а может, они ядовитые), у кого длинные острые когти (тоже могут быть ядовитыми), и от кого исходит такой противный запах. Короче говоря, михрялок истребляли. И их осталось так мало, что непонятно было, остались они еще, или их уже всех истребили. Но одна, про которую я рассказываю, точно была жива. И неплохо себя чувствовала. Жила она в старом, заброшенном, почти развалившемся доме лесничего. Лесничий давным-давно уехал доживать свой век в город, а никому ненужный дом, постепенно разваливался. Вот тут-то и набрела на него наша михрялка, уходившая все дальше и дальше от людей. Место здесь было глухое. Все тропы заросли кустарником да завалены были буреломом. А еще, подступы к дому закрывало, невесть откуда взявшееся, болото. А это для михрялки было, пожалуй, поважней всего остального.

Ни одна михрялка, никогда, ни разу в жизни не мылась. Да, что там, не мылась – даже не умывалась. Почему-то, все михрялки боялись воды. Зато, очень любили поваляться в грязи, а еще лучше, в болотной жиже. Поэтому, михрялка,

о которой я рассказываю, была вечно грязная и, извиняюсь, вонючая.

Питалась михрялка, чем попало: то жука съест, то травку пожует, то орех, то гриб, то птичку поймает. Ела она это все в сыром виде, так как огонь разводить она не умела, и спичек у нее не было. Поэтому, у нее часто живот болел. А когда живот болит, какое настроение будет? Правильно, плохое. Одна радость: грязи кругом, хоть завались – валяйся, сколько хочешь, и никто тебе слова не скажет.

А если честно, иногда так хочется, чтобы хотя бы кто-нибудь, хотя бы одно слово тебе сказал. И чтобы это слово было добрым. Плохо быть одинокой михрялкой... . Михрялкой, вообще, плохо быть. Даже и не пробуйте.

Ладно, оставим пока нашу михрялку нежиться в болотной жиже. Кроме нее, на свете жила одна девочка. Звали ее Лизавета. Вообще-то, ее имя было Лиза. Но так, как она

была очень серьезным ребенком, то и звали ее серьезно – Лизавета. Было ей семь лет, скоро восемь. Она уже закончила первый класс и приехала на каникулы к бабушке с дедушкой в деревню. С собой она привезла куклу Клаву и шесть толстых книжек с картинками. Книжки нужно было прочитать за лето. Это Клавдия Михайловна задала, чтобы дети не разучились читать. А Клавдия Михайловна, это любимая, обожаемая учительница. И кукла Клава названа в ее честь, и была даже, на нее похожа.

Все девочки в деревне оказались на много старше Лизаветы. В первый день они покрутились возле, пока у нее не опустел пакетик с мармеладками. А потом, убежали играть в прятки. И Лизавету, между прочим, не позвали. А когда она попросилась, сделали вид, что не слышат. Ну, и ладно! Не очень-то и надо было.

Стала Лизавета жить одна, без подружек. Если разобраться, зачем нужна подружка? Ну, во первых – чтобы играть было веселее. Во вторых – чтобы не перебивала, когда ей говорят, в третьих – чтоб не обижалась, а соглашалась. И в четвертых – чтоб не командовала. Подумала-подумала Лизавета и решила, что все равно, лучше, чем Клава, у нее подружки не будет. Клава даже лучше, чем живая подружка. Например, с ней можно лечь спать. А с живой подружкой, не очень-то ляжешь в кроватку – места мало. А Лизавета не любила, когда спать тесно.

Так и потянулись летние деньки. Так много надо за день успеть. И поиграть с Клавой, и посидеть с бабушкой на лавочке, и почитать первую страничку, и поиграть без Клавы, или, например, сходить с Дедушкой к колодцу за водой.

За домом, по самому краю участка, протекал ручей с чистой прозрачной водой. Эту воду даже пить можно было. Но ее использовали для стирки, для полива огорода, для мытья. А вот, пили только колодезную воду. И не потому, что она чище была, а потому, что была вкуснее. Сладкая водица была: пьешь-пьешь, а напиться не можешь. Дедушка говорит,

что эта вода живая. И хотя не близко от дома колодец был, ходили и брали воду для питья только в нем. Вот и Лизавета с Дедушкой стала ходить за водой. У Дедушки два ведра больших, а у внучки – одно, поменьше. Пока идут к колодцу, разговаривают. Про маму, про папу, про Клавдию Михайловну, про лето, про птичек. Обо всем. С собой всегда брали старую алюминиевую кружку. У колодца из этой кружки, подолгу, по очереди пили студеную воду. И никакая газировка, даже самая сладкая, не могла с ней сравниться. Потом наполняли ведра и шли обратно, но уже, с остановками. На полпути, Лизавета из своего ведерка отливала половину в Дедушкины ведра. Тяжело было так далеко полное ведро нести. Так тяжело, что у нее, даже, очки запотевали. А что, я разве не сказал: Лизавета носила очки. Зрение у нее было неважное. И чтобы оно не портилось еще больше, доктор велел носить очки. Ну и что! Они даже украшали Лизавету.

А вечером приходила соседка бабушка Ильинична и они вчетвером сидели под яблоней у самовара и пили самый вкусный на свете чай. Лизавете все это очень нравилось. И так хотелось, чтобы так было всегда, или хотя бы, подольше.

Деревенские девчонки за месяц порядком надоели друг дружке. По несколько раз перессорились и помирились и стали придумывать, чем бы еще заняться. И тут они вспомнили про Лизавету. Кто-то из них предложил: «А давайте, пойдем в лес за ягодами, за земляникой! И эту, москвичку – малявку с собой возьмем!» «Давайте! Давайте!» – под-

хватили остальные. Сказано – сделано: пришли к Лизавете. Она конечно, рада. Да, Дедушка с Бабушкой не хотят пускать. Еще и насморк у нее откуда-то взялся. Температуры нет, и чувствует себя хорошо, а нос не дышит. А вот, подышит «хвойным» воздухом и насморк пройдет. Насилу уговорили. Пообещали с Лизы глаз не спускать.

На следующее утро отправилась шумная компания в лес. Пока шли до леса, с Лизаветы, и правда, глаз не спускали, веселили и ее и себя, как могли. А как в лес пришли, землянику увидели, бросились собирать. Разбрелись, кто куда. Лизавета тоже увлеклась. Ягод много, да они мелкие. Когда еще, корзинка наполнится? Сначала, аукались: «Ау- ау!». А потом, все реже, все тише «Ау!» слышалось. Да и затихло совсем. Лизавета опомнилась, когда полную корзину ягод набрала. Стала девчонок звать. А в ответ – тишина. Только деревья шумят, да птички поют. Сначала, она только расстроилась, а потом, когда поняла, что не знает куда идти, испугалась не на шутку. Так испугалась, что начисто забыла, что ей Дедушка говорил, когда они за водой ходили и про лес беседовали. А Дедушка ей говорил, что если ты в лесу заблудилась, не бегай, не суетись, а оставайся на месте. Тебя рано или поздно начнут искать и, обязательно, найдут.

Забегала Лизавета, засуетилась. Совсем голову от страха потеряла. Побежала куда глаза глядят. А куда им глядеть? Кругом деревья да кусты. Бежала-бежала, потом шла. Потом, опять бежала, опять шла. Потом из сил выбилась. Села под

деревом, сняла очки, положила в корзинку, поела ягод, да и уснула крепким сном. Сколько проспала? Когда проснулась, солнышко уже к закату клонилось. Дело к вечеру. Покричала, покричала. Да, что толку в дремучем лесу «Ау!» кричать. Если только, леший услышит. Побрела дальше. А ночь надвигается. Луна за макушками деревьев иногда поблескивает. Деревья стоят черные. То листва от ветра шумела, голоса птички слышались, а солнце село, и ветер вдруг затих и птицы умолкли. В тишине филин заухал – еще больше страха нагнал. Вот вы бы, что на Лизаветином месте сделали? Правильно, она так и поступила: села на поваленное дерево и заплакала. Проплакалась хорошенько и в голове как-то светлее стало. Стала голова думать. И тут же вспомнила голова все разговоры Дедушкины про лес. Ох, поздновато вспомнила! Посидела, посидела, а сидеть еще страшнее, чем идти.

– А, и пусть, меня волки или медведи съедят! – Решила Лизавета, встала, даже очки одевать не стала (без них не так страшно), и побрела в темноту. Идет, как во сне. Ветки по лицу хлещут. Сил уже нет, а она все идет. Вот под ногами захлюпало, в тапочки вода налилась. А она все идет и идет. Под ногами мягко, мокро. Вода уже колени намочила, а она все идет, уже по пояс, а она все идет и идет. Наконец, выбралась на твердую землю. Мокрая, замерзшая. Тут силы ее и покинули окончательно. Рухнула она на траву, как убитая и уснула беспробудным сном.

Девчонки, конечно, Лизаветы хватились. Искать стали.

Проискали до темна. Уже поздно вечером пришли к Бабушке с Дедушкой. Так и так, мол. Не доглядели. А с кого спросишь? Да, и не спрашивать надо, а искать. Искать ночью в дремучем лесу маленькую девочку. Легче найти иголку в стоге сена. Пока людей собирали, пока милиция, пока то, пока се – половина ночи уже прошла. Начали искать с фонарями, а скоро уже и светать начало. Многие охрипли, кричали на все лады: и «Лиза!», и «Лизавета!», и «Ау!», и «Эй!» Да только, в ответ – тишина. Пойди, поищи в дремучем бескрайнем лесу. Но никто и не думал отступать. Из города еще люди приехали и солдаты – все искали девочку Лизу семи

лет светловолосую, в голубом платье в горошек, в круглых очечках и двумя косичками. Проснулась Лизавета от того, что кто-то ее трогал и при этом, громко сопел. Вместо того, чтобы открыть глаза и посмотреть, кто это сопит, она еще крепче зажмурила глаза и подумала: «Вот, и волк пришел. Выбирает, с чего начать меня есть. Сейчас обнюхает всю и останутся от меня ножки да рожки. Ой, да у меня же рожек нет. Это же про козлика...»

И тут, Лизавета не выдержала и открыла глаза. Открыла, и сделались у нее глаза такие большие и такие круглые от изумления, какие только в японских мультиках бывают. Около нее сидел вовсе не волк, а небольшой мохнатый зверек. То-ли кошка, то-ли собака. Без очков не разберешь. Хотела очки из корзинки взять, а корзинки нет. Неужели потеряла? И тут, она услышала чей-то хриплый, скрипучий го-

лос:

– Ну, что глаза вытаращила?

Обрадовалась Лизавета. Ура! Люди! Сейчас дорогу домой спрошу. Стала оглядываться вокруг, но никого, кроме странного зверька не увидела.

– Не крути головой, с тобой разговариваю.

– Кто здесь?!?! – Испуганно закричала Лизавета.

– Да никого, кроме меня здесь нет. Чего ты орешь-то?

И только сейчас она поняла, что с ней разговаривает этот зверек. Но, ведь этого не может быть, звери не разговаривают. Вернее, разговаривают, но только в сказках.

– Это что, я в сказку попала? – Удивилась Лизавета. – А ты кто? Ты меня не съешь?

– Очень надо, тебя есть. – Проворчал зверек, – Ходят тут всякие. Никакого покоя от них нет. В лес ты дремучий попала, а не в сказку. Как тебя сюда занесло-то?

Лизавета все так и сидела с вытаращенными глазами. Все не верила, что происходит это по настоящему, не понарошку. Говорящий зверек, дремучий лес, болото, какая-то избушка на краю поляны.... Закружилась голова у Лизаветы. Слишком много всего произошло за последние несколько часов. Не выдержала девочка. Глаза закрылись: может, со-

знание потеряла, а может, уснула.

А люди продолжали искать Лизавету. Дело к вечеру, а Лизаветы все нет. Приехали из Москвы мама с папой. Бабушка дома места себе не находит. А Дедушка, как ночью из дома ушел, так и пропадал все это время в лесу. Все ругал себя, зачем отпустил внучку с этими глупыми девчонками. Да, теперь, уже ничего не исправить. Все глубже в лес уходил Дедушка. Старался угадать, куда могла пойти Лизавета. Давно затихли крики людей искавших девочку, а он все шел и шел вперед. И вдруг, около поваленного дерева, он нашел горсточку земляники. Обрадовался – она это, больше никому, землянику просыпала. Заторопился – темнеть скоро будет. А в темноте, кого найдешь? Придется в лесу заночевать, а с рассветом опять искать. Попробовал покричать, позвать внучку, да все напрасно.

Сколько времени пробыла без сознания Лизавета, кто знает? Да только, когда глаза открыла, на улице всюду светило солнце. Его лучи пробивались сквозь грязные, затянутые паутиной, стекла маленького окошка и падали ей прямо на лицо. Огляделась и увидела, что лежит на старой железной кровати в небольшой комнатке с покосившимся потолком и кривыми стенами. Все вокруг, и пол, и мебель, было покрыто толстым слоем пыли. Сильно болела голова. Она подняла руку и нащупала на лбу что-то мягкое и влажное. Взяла в руку – оказалось, мокрое полотенце. Хотела встать, но сил совсем не было. Значит, заболела, поняла Лизавета. А кто же

положил ей на лоб мокрое полотенце, чтобы сбить жар? Как она оказалась в этой комнатке? Значит, ее нашли, значит, спасли! Она сразу же успокоилась, закрыла глаза и уснула.

Вот, ведь как в жизни бывает. Не думала михрялка, что когда-нибудь ей придется помогать своему злейшему врагу – человеку. Хотя, какой это человек? Это, пока что, только, человечек. И неизвестно, какой он вырастет, добрый или злой. В домике лесника, где поселилась михрялка, и куда она привела полуживую Лизавету, осталось много всего:

и посуда, и мебель, и вещи – ничего не взял с собой хозяин. То-ли надеялся вернуться, то-ли сил не было тащить. Когда Лизавета опять пришла в себя, на тумбочке, возле кровати, стояла большая голубая чашка с водой. Очень хотелось пить и она, не раздумывая, выпила из чашки всю воду.

– Пей, пей! Тебе надо много пить. – Услышала она знакомый скрипучий голос Она повернула голову и увидела того самого серенького зверька. Он сидел на кресле, стоящем в углу совсем как маленький человечек.

– Ты кто? – Лизавета, все еще, до конца не верила, что разговаривает с ней этот зверек. Ей казалось, что, вот сейчас в комнату войдет кто-то, конечно же, человек и скажет, что ловко над ней подшутил. Но в комнату никто не входил, а зверек продолжал сидеть в кресле.

– Ты что, михрялок никогда не видела?

– Не видела. А михрялки, это что?

– Не что, а кто. Я – михрялка. Зверь такой. Страшный, злой и коварный! – михрялка, на всякий случай, решила немножко напугать девочку.

– И ничего ты не страшная, а очень даже симпатичная. И никакая ты не коварная, а добрая. Ты же меня лечишь. А злой и коварный никогда не будет лечить незнакомую девочку. Вот. – Сказала все это Лизавета и улыбнулась. И михрялка растерялась: никогда еще, ни разу, в ее долгой и трудной жизни, ни один человек не разговаривал с ней так. Не называл ее доброй и симпатичной, и уж тем более, не улыбался ей.

– Все, хватит разговаривать. Тебе нельзя. Тебе спать надо. Сейчас, лекарство пожуешь, и спи. – Михрялка слезла с кресла, вышла из комнаты и вернулась с пучком какой-то травки.

– На, жуй. Она не горькая, кисленькая. А потом, спать. Выздоровеешь, тогда, если захочешь, поговорим.

Лизавета сделала все, как велела михрялка. Она, когда болела, часто слышала и от мамы и от Бабушки, что сон это лучшее лекарство. Вот и уснула, легко и быстро. Когда проснулась, михрялка опять была рядом. Опять поила Лизавету водой, давала жевать какие-то травки и листочки. И опять девочка проваливалась, как в колодец, в глубокий исцеляющий сон. И постепенно, жар начал спадать. Кашель стал

влажным. Пропала слабость и уже не болела и не кружилась голова. В те минуты, когда Лизавета просыпалась, они почти не разговаривали. Михрялка очень боялась того момента, когда у девочки начнет дышать нос и она почувствует запах, исходящий от нее. Прошло пять дней. Лизавете стало совсем хорошо. Она даже, с кровати начала подниматься. И первый раз за все время попросила есть. Сначала михрялка обрадовалась – значит, пошла на поправку, а потом задумалась, а чем кормить человеческого детеныша. Жуками, да червяками? От ягод да орехов сил не много прибавиться. Тут надо человеческую еду, а где ее взять? Люди на огне пищу готовят, а михрялки, все сырым едят. Сама не готовила, но видела и запомнила, как это делают люди (Где видела, да и вообще, про ее жизнь и приключения я потом, как-нибудь, расскажу). Нашла за печкой несколько коробков со спичками, подошла к Лизавете. Так, мол, и так, надо печку растопить. А та, рада – лежать-то уже надоело. Дедушка ее печку растапливать давно научил, вот и пригодилось. Пока разжигалась печь, михрялка куда-то исчезла. Вернулась не скоро, взяла с полки кастрюлю и опять ушла. Вернулась, поставила кастрюлю в печку, а Лизавете велела лечь, пока, в постель. Прошло время и запахло в избушке так, что задремавшая, было,

Лизавета даже вскочила. Да, и у михрялки, слюнки потекли. Ей и раньше приходилось есть человеческую еду. Конечно, это повкуснее будет, чем жучки да корешки всякие. На-

шла на полках банку с вермишелью. Попробовала – не испорчена. Насыпала в кастрюлю, помешала. Скоро суп был готов. Лизавета налила себе и михрялке по полной тарелке, свою поставила на стол, а михрялка свою велела поставить на пол – ей так удобней. Только сейчас, девочка поняла, как проголодалась. Не успела распробовать, а тарелка уже пустая. Михрялка тоже не отставала. Лизавета налила опять по полной тарелке. В этот раз, уже, ели не торопясь.

– А где ты в лесу курицу взяла? – Спросила Лизавета. Михрялка сначала смутилась, но потом нашлась, что ответить.

– Почему, обязательно, курицу? Что, в лесу других птиц мало? – Она не стала говорить, что суп был лягушачий, а никакой не куриный. Уж, лягушек на болоте, хоть отбавляй. А по вкусу, не хуже, а может еще, повкусней.

От горячей еды Лизавета покраснелась и нос у нее про-
чистился. Принюхалась она.

– Извини, а ты что, никогда не моешься? Я, один раз, ехала с мамой в автобусе. И вошел бездомный. Их еще бомжами называют. От него так же пахло, как от тебя. А мама сказала, что если его помыть и переодеть, он будет, как все нормальные люди.

– А я, выходит, ненормальная? – обиделась михрялка и почесала у себя за ухом.

– Нормальная, только, очень грязная. Давай мы тебя вымоем. У тебя шерстка красивая, а вся свалялась. Будет пу-

шистая и нарядная. Я тебя причешу.

Идея понравилась михрялке. А Лизавета, уже нашла кусок мыла, большое махровое полотенце и сняла со стены в прихожей небольшое корыто, в котором прежний хозяин стирал белье. Подбросила в печку дров. Там же, в прихожей нашла ведро. Точно такое же, с каким Дедушка ходил за водой.

– А где здесь колодец? Далеко? – Спросила она у михрялки. – Нам много воды надо. – Нет здесь никакого колодца, а воды, хоть отбавляй – целое болото.

– Но ведь, она в болоте грязная, как же мы тебя вымоем?

– Болото болоту рознь, – отвечала михрялка. – Пошли, я покажу.

Они вышли из дома и через несколько минут, уже стояли около воды. На вид, вода, действительно, казалась чистой, прозрачной.

– Видишь эту травку? – Михрялка показала на невзрачную травку, растущую в воде у самого берега и на берегу у воды. Это мох, называется – сфагнум. Там, где он растет, воду пить можно. И живот болеть не будет. Зачерпывай. Только, понемногу. А то, у тебя еще сил мало.

Скоро Лизавета наносила воды. Вода согрелась, и можно было мыться. Но, михрялка все тянула время, ей было очень страшно. Теплая чистая вода, мыло, пахнущее земляникой –

все было так непривычно, так удивительно. Страшно. Лизавета поняла, что происходит с михрялкой. Она молча подошла к ней, взяла ее на ручки и осторожно опустила в корыто. Пришлось четыре раза намыливать зверька. Пока не вымыла михрялку начисто. Завернула ее в полотенце так, что виден был только черный кожаный нос, и отнесла в комнату на кровать. Вытерла насухо, расчесала шерстку, и удивилась, как сильно поменялась михрялка.

– Ой, какая ты Дуся! Ой, как ты мне нравишься! – Лизавета Дусей называла все, что ей нравилось. Была у нее такая привычка. Например, увидит красивую бабочку и восхищается: «Ах, какая Дуся!» Она и Клаву сначала хотела Дусей назвать. Но, кукла была так похожа на учительницу, что пришлось ее назвать Клавой. Вот, и сейчас, она даже, захлопала в ладоши от восхищения. – А можно, я буду звать тебя Дуся! Правда, у тебя ведь, нет имени. Будешь Дуся, Евдокия! Давай? – Михрялка была так потрясена, так растрогана, что, наверное, если бы умела плакать, обязательно разрыдалась бы. Но, михрялки не плачут. Теперь она не одинокая михрялка, а михрялка Дуся. Этот человеческий детеныш оказался добрым и из него вырастет добрый человек. Она даже мечтать не смела, что такое может с ней случиться. Все-таки, эти люди интересные звери. Одни, сколько хорошего напридумывали! Мыло, или например, спички, или например, корыто. А другие, сколько злого, сколько плохого. Например,

охотников или, например, ружье!

После мытья, Дусю так разморило, так клонило в сон, что она сама не заметила, как свернувшись в пушистый клубочек, крепко уснула. Лизавета не стала ее будить, осторожно легла рядом, прижалась к тепленькому тельцу и, засыпая, подумала, что с такой подружкой ей в кроватке спать будет не тесно. Ведь, она согласится стать моей подружкой? Наверное, согласится. Она же очень хорошая. А Клава, не обидится – она же, все-таки, не живая, а кукла.

Все эти дни, пока Лизавета лежала в Дусиной избушке, ее не переставали искать. Даже вертолет летал над лесом. Да только, не слышала она вертолета. Седьмой день пошел, как потерялась Лизавета. Надежды найти ее становилось все меньше и меньше. Ну, не может семилетний ребенок без еды, без воды столько времени находиться в лесу! А хищники! Участковый так и сказал: «Нам бы, хотя бы, тело найти». Не верил, что девочка жива. Да, и многие не верили. Только Дедушка верил, Бабушка верила и мама с папой. А еще, соседка, бабушка Ильинична. Дедушка через первые два дня поисков пришел домой, переоделся, положил еды и воды в рюкзак, взял ружье, сказал, что пока внучку не найдет, не вернется. И ушел. Бабушка не стала его удерживать. Она бы и сама пошла, да ноги больные – далеко на таких, не уйдешь.

Дедушка вернулся к тому поваленному дереву, у которого нашел горстку земляники. Сел и стал думать. Старался поставить себя на место Лизаветы. Куда бы он пошел, что бы

он стал делать. Долго думал. До самого вечера. А вечером, когда солнце уже село и выглянула луна, Дедушку осенило: маленькой девочке в темном лесу очень страшно и сидеть на одном месте она не будет. А будет идти. Все равно, куда, лишь бы, не сидеть. И будет она идти в ту сторону, где, между деревьями, блестит луна – единственный лучик надежды. А вот, куда приведет этот лучик?

И пошел Дедушка в темноте за луной. Куда луна, туда и он. Идет, дорогу фонариком подсвечивает. И для него луна, лучик надежды. Надежды найти свою внучку. Шел до тех пор, пока под ногами хлюпать не начало. Остановился, посветил фонариком, а вокруг вода. Болото. Решил утра дожждаться. Кто ж ночью в болото лезет?

Два дня потратил, чтобы болото обойти. А ему конца и края нет. Вернулся назад. Насилу нашел то место, где в болото вошел. Опять, дождался ночи, и пошел за луной. Куда она, туда и он. Вода под ногами захлюпала, он идет. Вода в сапоги заливаться начала, он идет. Вода по пояс уже, а он идет. Дно вязкое, идти тяжело. Решил вернуться. Сделал зарубку на дереве, чтобы днем сюда дойти, и назад.

До утра обсох, отдохнул. Солнышко встало. Луна больше не нужна. Направление известно. Пошел. Опять вода по пояс, а он идет. Скоро вода по грудь будет, а он все идет. И вдруг, впереди, среди стволов мертвых деревьев, он увидел зеленые кусты. А это значит, что там болото кончается. Вода уже ниже пояса. Вот уже и сапоги из под воды показались. А

вот, и берег твердый. Упал Дедушка на траву, лежит, отдыхает. Отдохнул, решил попробовать, крикнуть. Позвать Лизавету. Так, на всякий случай. Закричал громко, как только сумел:

– Лизаветааа! Лизааа! – А в ответ, тишина. Он еще покричал. Опять тишина. Он поднялся на ноги, огляделся вокруг. Неужели, зря через болото пробирался. И вдруг, за кустами увидел крышу какой-то избушки. Удивился. Заторопился. Хотя и Дедушка, а бегом побежал. Подбежал к избушке. Дверь нараспашку. Посреди большой комнаты на табуретке стоит корыто с грязной водой. Потрогал печку – еще теплая. Заглянул в маленькую комнатку, и обомлел. На кровати, в обнимку с кошкой спит его Лизавета. Справился с собой Дедушка, не стал будить внука. Теперь уже никуда не потеряется. Поставил ружье к стенке, рюкзак на пол положил. Тихонечко сел в кресло. Посидел- посидел, да и заснул.

Лизавета проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо. Она открыла глаза и увидела Дусю. Хотела спросить, что случилось, но Дуся закрыла ей рот своей мягенькой лапкой и зашептала на ухо:

– Скорее, надо прятаться, скорее! Охотник! Там, охотник пришел! – Лизавета ничего не поняла и решила сама посмотреть, что там за охотник пришел. Она повернула голову, куда показывала Дуся, и вскрикнула. Даже Дусина лапка, закрывавшая ей рот, не помешала. В кресле, в котором любила сидеть Дуся, сидел Лизаветин Дедушка и крепко спал. Он

даже он внучкиного голоса не проснулся. Видно, за эти дни, пока искал внучку, так устал, так понервничал, что, наконец, увидев Лизавету живой и невредимой, разрешил себе расслабиться и хорошенько выспаться.

– Да, это же, мой Дедушка! Никакой он не охотник! Как же он меня нашел? – Лизавета так радовалась, так обнимала и целовала Дусю. И Дуся, сначала радовалась вместе с ней, а потом, вдруг помрачнела, замолчала. Испугалась, что вот еще немножко, и она опять останется одна. Не может же быть такого, чтобы люди взяли михрялку к себе домой. Лизавета, через какое-то время, забудет про Дусю. А Дуся, опять станет, никому не нужной, грязной михрялкой.

Дедушка, все-таки, проснулся от шума. Увидел внучку, молча обнял ее, и долго не отпускал. Словно боялся, что разожмет руки и Лиза исчезнет. А Лизавете не терпелось так много рассказать и про лес, и про болото, и про Дусю. Как она ее вылечила, какая она замечательная, как весело им теперь будет жить всем вместе. Наконец, когда радость немножко поутихла, Лизавета показала Дедушке на грустную Дусю, лежащую на кровати.

– Познакомься, это Дуся. Михрялка Дуся, моя лучшая подруга. Я заболела, а она меня вылечила. Она очень хорошая. Просто замечательная. Мы заберем ее с собой. Хорошо?

– Конечно, заберем. – Ответил Дедушка. – Бабушка давно хочет дома завести кошку. А твоя, такая пушистая. Сибирская наверное.

– Спасибо, конечно, что вы не против, меня забрать. Но я, извините, не кошка. – Вмешалась в разговор Дуся. Дедушка, сначала не понял, кто это сказал. Он с удивлением посмотрел на Лизавету. Только что говорила нормальным голосом, а теперь охрипла.

– Это не Лизавета, это я разговариваю, – Решила внести ясность Дуся. – Посмотрите сюда. Ку-ку! Я на кровати. – И Дуся помахала дедушке лапкой. Сказать, что Дедушка удивился, это ничего не сказать. Глаза у него сделались еще больше, чем у Лизаветы, когда она первый раз услышала, как разговаривает михрялка.

– Ну, вот, я кажется, переутомился. Мерещится ерунда всякая. Сказать даже стыдно. Кошка говорящая! – Дедушка, в растерянности, даже лоб у себя потрогал. А Дуся продолжала.

– Нет, если вы так настаиваете, если вам так удобнее, пусть я буду кошкой. Тем более, что михрялкой мне уже быть давно надоело. Только я мурлыкать не умею, а это может не понравиться Бабушке. Зато, я ловлю мышей, лучше любой кошки.

Лизавета решила, что пора внести ясность. А то Дедушка никак не хотел поверить, что с ним разговаривает этот маленький зверек, сидящий на кровати.

– Дедушка, миленький, я все тебе объясню. Это не кошка. Это михрялка, такой зверек. Зовут ее Дуся. Она умеет разговаривать. Она очень умная и очень добрая. Когда я сюда

пришла, я заболела. У меня была большая температура. А Дуся меня лечила травками и листиками. И я выздоровела. И без Дуси я отсюда никуда не уйду. Вот.

Наконец, Дедушка начал понимать, что происходит, хотя, верил во все это, с трудом. Ну, не бывает говорящих кошек, или как их, там – михрялок! Что-то он слышал про это животное, но что, вспомнить не мог. Ну, да бог с ней. Главное, внучка нашлась!

– Лизавета, ну, что же ты Дедушку не кормишь. Человек, с дороги, устал. Разогрей суп вчерашний. Вы суп будете? – Уже, обращаясь к Дедушке, спросила Дуся. Дедушка, только растерянно, головой кивнул. Лизавета пошла растапливать печь, а Дуся, поправив покрывало, слезла с кровати и тут, Дедушка, наконец, убедился, что это не совсем кошка. Вернее, совсем не кошка.

– Вы нам не поможете? Нам нужно воду из корыта вылить. Лизавете тяжело, а мне, и подавно. – Дедушка вынес корыто на улицу и вылил из него воду. Дуся показала, куда повесить пустое. Когда суп разогрелся, Лизавета разлила его по тарелкам и поставила их на стол. Дуся, на этот раз, села со всеми вместе. Начали есть. Дедушка попробовал, похвалил. Съел все, до последней капельки.

– Очень вкусно. А кто готовил? Неужели, ты, Лизавета, научилась?

– Не, это Дуся. Я вчера еще плохо себя чувствовала. А она

меня кормила.

– Вот что, Дуся: мне не важно, кто ты – михрялка, или кошка, или чебурашка. Мне важно, что ты спасла мою любимую внучку. Это не каждый человек сможет, а ты смогла. Спасибо тебе за это и низкий поклон. – Дедушка встал и низко поклонился михрялке. – И я очень тебя прошу пойти жить с нами. Я тебе обещаю, что все мы тебя будем любить, и не будем обижать.

Дуся в тот момент, когда Дедушка к ней обратился, вылизывала языком тарелку, чтобы чистая была. От волнения, она так и выслушала Дедушку с высунутым языком. Она так разволновалась, что забыла спрятать язык и попыталась что-то ответить Дедушке, но у нее вместо слов, получилось «Сю-сю-сю, сю-сю-сю...». Вообще-то, михрялки не умеют смеяться. Но, когда Лизавета с Дедушкой захохотали (так смешно у нее это получилось), что она тоже, сначала неуверенно, а потом, все громче и громче начала смеяться.

После обеда, Дедушка сказал, что пора собираться домой. Он взял в руки свой рюкзак и вдруг, начал растерянно оглядываться, а потом спросил:

– А где мое ружье? Никто не видел? – Лизавета не видела. Поэтому, так сразу, и сказала. А вот Дуся, почему-то, молчала. Дедушка подозрительно на нее посмотрел.

– А ты, Дуся? – И тут, Дуся заохала, заохала, забегала по комнате, натыкаясь на мебель, на углы, на двери. Забегала так быстро, что подняла целое облако пыли.

Пришлось всем выбегать чихать на улицу. Дуся продолжила беспорядочно бегать и перед домом. Дедушка с Лизаветой тогда еще не знали, что она так себя ведет, когда ей бывает очень стыдно. Наконец, Дуся подбежала к Дедушке, обхватила передними лапками его ноги, и начала облизывать его сапоги.

– Дуся! Дуся! Успокойся! Что случилось? – Попытался успокоить михрялку Дедушка. Но, та и не думала успокаиваться.

– Не охотник! Нет! А я!... Разлюбят!!!... Аааа!... – Вопила она что есть мочи. А в перерывах между воплями, продолжала облизывать сапоги. Дедушка не выдержал, взял Дусю на руки. Стал ее гладить. И она, неожиданно затихла.

– А теперь, спокойно расскажи, где мое ружье?

– Нету. – Почти шепотом, ответила Дуся.

– Как, «нету»? Почему, «нету»? Рассказывай, давай.

– Я, когда тебя увидела, не знала, что ты хороший, что ты наш Дедушка. У тебя ружье

было. Я думала, ты охотник. Я твое ружье в болото. Оно, «буль» и нету. Там глубоко. – Дуся опять завыла и попыталась лизнуть дедушкин глаз. Но он ловко увернулся и опустил несчастную на траву.

– Ну, пойдем, покажешь, где оно «буль». – Дуся послушно пошла к болоту. Лизавета с дедом, за ней. – Я ружье с собой

ношу потому, что в лесу много хищных зверей. Должен же я от них защищаться. А охотиться, я не люблю. Мне зверей жалко.

Там, где утонуло ружье, было, действительно, очень глубоко. Дедушка, даже очень длинной палкой, до дна так и не достал. Что ж, придется про ружье забыть. Пора возвращаться. Эх, не работает в лесу телефон. Не сообщить Бабушке и родителям радостную весть, что Лизавета нашлась.

– А давай, я Бабушке скажу, что мы нашлись. – Предложила Дуся. – Только, мне какаянибудь вещь Бабушкина нужна.

– Как это, ты скажешь? Что ты выдумываешь? – Удивился дедушка. – А вещь у меня есть. Платок подойдет?

– Я умею. – Сказала Дуся. – Я не знаю, как это получается, но мы, михрялки, можем разговаривать через большие расстояния. – Взяла она Бабушкин платок, расстелила его на траве, села рядом и начала поглаживать его своими лапками. Потом, вся как-то напряглась, вытянулась, застыла с закрытыми глазами и сидела так минут десять. Дедушка и Лизавета уже забеспокоились – жива ли она. А Дуся, вдруг, встрепенулась, открыла глаза и заявила, что поговорила с Бабушкой, рассказала ей все. А Бабушка сказала, что к их приходу, напечет пирогов. Дедушка и внучка, еще не знали о талантах Дуси. И поэтому, не очень-то ей поверили. Можно сказать, что совсем не поверили. И тут, Дуся вспомнила, что Бабушка велела передать Дедушке, чтобы он передел носки. Сухие носки она положила ему в правый карман рюкзака. И

чтобы, он не забывал выпить таблетки. Когда михрялка рассказала все это, Дедушка, и правда, нашел в правом кармане рюкзака сухие шерстяные носки. Если про носки, Дуся могла узнать, заглянув как-нибудь в рюкзак. То, уж, про таблетки, она знать не могла никак. Да, и Бабушка, ведь, не михрялка. Как она с Дусей-то разговаривала? Но, поразмыслив, Дедушка решил, что ничему удивляться не будет потому, что эта самая михрялка Дуся, уж очень необычный зверек. Кто знает, на что еще она способна?

Через болото шел Дедушка, а Лизавета и Дуся ехали на нем. Внучка сидела у деда на шее, а Дуся сидела у нее на руках. Поэтому, промок только Дедушка. А Лизавете и

нельзя промокать. Она, конечно, выздоровела, но не до конца. Когда Дедушка выбрался на сухое место, на него жалко было смотреть. Так он устал. Пока он отдыхал, пока перекусили припасами из рюкзака. Приблизился вечер. И путешественники решили заночевать, а утром отправиться дальше. Пока было светло, набрали дров. Разожгли костер. Лизавета с Дусей уснули сразу, а Дедушка еще посидел, пока одежда окончательно не высохла, и тоже, задремал. Проснулся он от того, что Дуся дергала его за руку и шипела на ухо:

– Волки! Просыпайся, волки! – Сна, как не бывало. Огляделся. Вокруг поляны зловещим зеленым цветом светились шесть пар волчьих глаз. Что делать? Для начала, подбросил

в костер дров, чтобы ярче горел, взял в руки палку. Лизавета, к тому времени, уже проснулась, и он велел ей и Дусе залезть на дерево. Но Дуся повела себя совсем не так, как он рассчитывал. Она вышла на середину поляны, оставив позади себя костер и Дедушку с Лизаветой. Шерсть у нее встала дыбом. Каким-то непостижимым образом, Дуся, вдруг, в несколько раз увеличилась в размере. Она встала на задние лапы, от чего стала казаться еще больше, и тишину разорвал страшный рык. Будто зарычали одновременно сразу десять львов. Такого от Дуси не ожидали не только Лизавета с Дедушкой, но и серые разбойники. Тот, который стоял прямо перед Дусей, как-то нелепо подпрыгнул и упал на траву без признаков жизни. Еще двое, метнулись в сторону, столкнулись друг с другом и, с воем, исчезли в темноте. Остальные, поджав хвосты, хрипло скуля, бросились за ними. А Дуся, через несколько мгновений, приняла свой прежний облик и вернулась к костру, как ни в чем, ни бывало. Пока Дедушка с Лизаветой приходили в себя, она свернулась уютным клубочком в ногах у девочки и крепко уснула. Остаток ночи прошел спокойно. Видно, Дусю слышали все, кого это касалось.

Весь следующий день, до самого вечера, с короткими остановками на отдых, шли домой. Наконец, вышли на опушку леса. А отсюда, до дома, было рукой подать. Около калитки, стояла скорая помощь и полицейская машина. Полиция, для того, чтобы убедиться, что девочка нашлась, а

врачи, чтобы убедиться, что она жива и здорова. Когда медики и полицейские уехали, мама, папа, Бабушка и бабушка Ильинична засыпали Лизавету и Дедушку вопросами. Что? Да, как? Да, почему? И вдруг, они все одновременно замолчали. А замолчали, потому что, кошечка (так, все думали) дремавшая на руках Лизаветы, потянулась и спросила на хорошем русском языке:

– А кто из вас, наша Бабуля? – Вопрос был задан правильный, потому, что Бабушка и бабушка Ильинична стояли рядом, были чем-то похожи, и было не понятно, кто есть кто. Поскольку, публика была не готова услышать говорящего кота, то все, конечно, растерялись и застыли с открытыми ртами. Особенно, Бабушка, не ожидавшая, что у нее появится хвостатая внучка. А Дуся не унималась. – А, вы, стало быть, наши мама с папой? Очень, очень приятно. Так, кто Бабуля?

– Я – Неуверенно произнесла Бабушка. – А вы, простите, кто?

– Я, Дуся. Я, михрялка Дуся. Это вы со мной разговаривали. Помните? – Бабушка

прекрасно помнила. Только, до сих пор, она так и не поняла, как это все произошло. Она сидела у открытого окна, и вдруг, в голове зазвучали чьи-то слова. Кто-то назвался Дусей и рассказал, что Лизавета жива, что скоро они будут дома. И Бабушка пообещала напечь пирогов. – Так, пироги-то готовы?

Дедушке не терпелось познакомиться всех с Дусей. Он забрал ее у Лизаветы и торжественно произнес:

– Прошу, любить и жаловать! Наша спасительница, Дуся. Она теперь, будет жить с нами. Она очень добрая и хорошая. А еще, она очень смелая. А еще... – Но Дедушка не договорил потому, что его перебила Лизавета:

– А, еще, она моя лучшая подруга. Вот. – И она почесала у Дуси за ухом. От удовольствия, Дуся зевнула. И тут, все увидели, какие у нее замечательные острые зубы. И, как их много. Мама опасно спросила:

– Извините, а вы не кусаетесь?

– Я же, не собака, какая-нибудь, чтобы кусаться. Вот, вы, например, кусаетесь? А почему я должна кусаться? – Обиделась Дуся.

– Потому, что у меня нет таких зубов, как у вас. – В свою очередь, обиделась мама. – И вообще, я же, все-таки, человек.

– Подумаешь, человек. Люди кусачие, тоже бывают. – Не сдавалась Дуся. Это было уже похоже на ссору, и Бабушка решила вмешаться:

– Что же мы стоим? А пироги, а чай? Ну-ка, все в дом! А за чаем, расскажете про свои приключения. – И все дружно направились в дом, к столу, на котором стоял пыхтящий пухлятый самовар, обещающий напоить самым вкусным на све-

те чаем.

За чаем, все дружно ахали и охали, когда Лизавета рассказывала, как она шла по ночному лесу, когда Дуся рассказывала про мох сфагнум и про то, как она ловила лягушек для «куриного» супа, когда Дедушка рассказывал, как смелая михрялка разогнала волчью стаю, и вообще, какая она необыкновенная и замечательная. Дедушка полюбил говорящего зверька сразу, и поэтому, непрерывно нахваливал Дусю. А с ним никто и не спорил. Даже мама, хотя и опасалась ее острых зубов, начала проникаться к Дусе, если и не любовью, то уж точно, большим-большим уважением.

Ну, что хочешь узнать, что было дальше? Я же обещал, что когда-нибудь расскажу.

Глава 2

Дусина история

После того, как, мама с папой уехали в Москву, в домике, на краю деревни жизнь постепенно стала входить в привычное русло. Лизавета все дни проводила с Дусей, иногда даже, отказываясь от походов к колодцу. Но вечерние чаепития она, со своей новой подругой, не пропускала. Каждый вечер Бабушка, Дедушка, соседка бабушка Ильинична, Лизавета и Дуся сидели у самовара пили чай и разговаривали. Первые дни все вспоминали пережитые приключения, а потом, дедушка попросил Дусю, хоть немного, рассказать о себе. Ду-

ся не стала отнекиваться. Для этих людей она была готова на что угодно. Благодаря им, она получила то, о чем даже мечтать не смела. У нее появилась семья.

– Давным-давно, когда я родилась, – начала Дуся. – Мы: мама, папа и я жили далеко отсюда. В лесу. У нас была большая сухая нора, много еды и тихая и спокойная жизнь. Мы никому не мешали. Врагов у нас не было. Но, все поменялось в один миг. – Дуся замолчала и задумалась.

Ну, пока Дуся думает, расскажу, как и обещал про михрялок. А то, я смотрю, никто не верит, что такой зверек существует на самом деле. Известно про них очень не много потому, что, во первых, их очень мало, а во вторых, они ведут скрытный образ жизни. А какой еще образ жизни будешь вести, если за твоей шкурой очередь стоит. Истребляли михрялок не потому, что от них пахнет противно, а потому что у них очень дорогой мех. И богатые модницы готовы были платить за него большие деньги.

Если помните, Дуся была карликовой михрялкой. А еще были не карликовые, а обычные. В четыре раза больше размером, чем карликовые. Их и истребили полностью в четыре раза быстрее. Чем меньше михрялок оставалось, тем дороже стоили их шкурки. И тем труднее было прятаться от людей. Этих людей не интересовало, что это за животное – михрялка. Что оно может, что умеет. Убивают же змей, просто за то, что они змеи. Про михрялок насочиняли разных небылиц. Во первых, что они вонючие (ну, это было правдой). Что

они ядовитые, что они ночами нападают на людей, что они выпивают кровь у овец и коров, что они умеют превращать людей в каменный столб, что... . Такого напридумывали! И все, ради шкурки.

А ведь эти необыкновенные животные, могли делать много такого, чего не мог никто. Например, передавать и читать мысли на расстоянии. Между прочим, многие михрялки разговаривали на русском языке. Могли подражать животным. Могли изменять внешность. Да, много чего могли. Жалко их, до слез. Не знаю, осталась ли еще, где-нибудь, хотя бы одна, кроме Дуси. Ладно, вернемся к Дусе.

– Я была совсем маленькая. Как-то утром, я проснулась рано. Мама и папа еще спали. Я вылезла из норы и отправилась набрать сладких корешков на завтрак. Когда я была уже далеко от норы, я услышала собачий лай. Я уже знала, что это значит. Это значит, что нас нашли охотники. С самого рождения, родители учили меня, как себя вести в таких случаях. Я быстро залезла на самое высокое дерево и спряталась в ветвях. Потом, я услышала выстрел. А потом, я услышала мамин голос, ее мысли. Она сказала, что папу убили. И, чтобы я нашла место для жилья поближе к людям. Там меня не будут искать. Там я смогу выжить. И еще, сказала, чтобы я берегла себя. Потом, услышала еще выстрел, и мама замолчала.

Три дня я просидела на дереве. Не помню, как слезла, как

шла по лесу.

Сколько дней и ночей. Все перемешалось в голове. Очнувшись, когда услышала собачий лай. Это было большое село. Я стала искать прибежище, но это оказалось не просто. Почти в каждом дворе, почуяв меня, лаяли собаки. Наконец, я вошла в большой двор, где собак не было. Я нашла какой-то сарай, залезла на чердак и забилась в угол. Уже потом, я узнала, что попала в школу.

Постепенно, успокоившись, осмотревшись, я стала осваиваться. Обследовала сарай. Там, не было ничего интересно. Перебралась в школьное здание. Там мне понравилось. Особенно понравилось, что там была столовая. Вот, там-то, я первый раз, попробовала человеческую еду. Так, прошло несколько дней, а потом, начался учебный год. Пока шли уроки, я спала на сене, на чердаке. А вся активная жизнь, у меня начиналась ночью. Но, как-то раз, шел дождь. Мы не любим воду. И поэтому, мне не спалось. От нечего делать, я заглянула в щель. Подо мной, в классе, шел урок. Учительница показывала, как пишется буква «М». Мне так понравилось, что я стала учить буквы вместе с детьми. К концу учебного года, я умела читать не хуже, а, пожалуй, лучше первоклашек. Я заглядывала не только в первый класс, но и во второй и в третий, и в четвертый. А еще, я заглядывала на кухню. Мне было интересно, из чего и как люди готовят себе еду.

На чердаке школы были свалены старые учебники. Я их читала и запоминала.

Так прошло четыре года. Днем, я училась. После уроков, пока светло, я читала учебники. А ночью, поев чего-нибудь на кухне, спала. В летние каникулы, соблюдая осторожность, я перебиралась в лес. Нашла старое дерево с большим дуплом. Это была, моя летняя дача.

Короче, эти четыре года, были самыми счастливыми в моей тогдашней жизни. Я очень много узнала про людей и обо всем, что их окружало. Мне очень нравилось учиться. Я, может быть, закончила бы все десять классов, но в один день, все поменялось. Однажды, на площади перед школой, собралось очень много народу. Здесь были и школьники, и их родители. Какой-то толстый дядька прочитал по бумажке, что школа закрывается на ремонт, а все ученики переходят в другую школу. Все начали возмущаться, но толстый дядька сказал, что это не надолго – на год или два, и что придется потерпеть. Больше всех, конечно, возмущалась я. Но, меня никто не услышал. Пришлось, искать новое пристанище. Я излазила все дворы, все дома. Но, такого спокойного места, где можно бы было жить и не думать о пропитании, не находила. А зима приближалась. Несколько дней я просидела на чердаке продовольственного магазина. И уже, начала подумывать, остаться здесь на зиму, но не прекращала поиски более подходящего места. Каждый вечер, как только стемнеет, я выходила из своего убежища, а утром, перед рассветом,

возвращалась. Я очень старалась соблюдать осторожность, но, как оказалось, недостаточно.

В то утро, я была уже около магазина и собиралась пролезть в щель в заборе, как вдруг, что-то кольнуло меня в шею, и тут же все четыре лапы перестали меня слушаться. Я упала на бок и лежала без движения, не в силах пошевелить даже хвостом. Кто-то грубо схватил меня, поднял с земли. Это, конечно, был человек. Но лица, в темноте, я не разглядела. Только слышала, как он довольно засмеялся.

Я навсегда запомнила этот смех – так жутко он прозвучал в утренней тишине. Потом, меня засунули в какой-то мешок или сумку и долго куда-то несли. Потом, мешок раскрыли, и меня ослепил яркий свет. Я оказалась в небольшой комнате. Человек, который держал меня за хвост, и разглядывал со всех сторон, был огромного роста. У него была длинная черная борода и длинные спутанные волосы до плеч. Он, то и дело, шмыгал носом. Он был очень страшный. Я уже, приготовилась умереть, но больше ничего не произошло. Он засунул меня в клетку, запер дверцу и выключил свет.

Постепенно, мои лапы, голова, хвост начали двигаться. Я даже походила по клетке. В углу лежал небольшой матрасик. Я легла на него и, сказав себе, что утро вечера мудренее, крепко уснула.

Днем, мой похититель принес мне еду и воду. Посидел возле клетки, наблюдая, как я ем, и ушел. Так, продолжалось

несколько дней. А потом, он начал приручать меня, а я делала вид, что поддаюсь его дрессировке. Он был очень доволен, что у него все так хорошо получается. А я ему подыгрывала. И, как оказалось, не зря. Он перенес мою клетку в другую комнату, туда, где была его кровать. Мой запах его нисколько не беспокоил. Уже потом, я узнала, что у него, из-за какой-то болезни, отсутствовало обоняние. В этой комнате было много чего интересного, но самое главное, здесь был телефон. По этому телефону он, каждый день, звонил какому-то Гене и хвалился своими успехами в дрессуре. Из телефонных разговоров, я узнала, что его зовут Митяй. Был он охотником. И охотился он, как вы, наверное догадались, на михрялок. А еще, я узнала, что давно бы распрощалась со своей шкуркой, если бы не была такой маленькой. Михрялки растут очень медленно. Полностью вырастают они только к десяти-двенадцати годам. А мне, в то время было всего пять лет. И я была ростом с полугодовалого котенка. Такую маленькую шкурку невозможно было бы продать. И Митяй решил, что торопиться некуда, пусть михрялка растет. А когда вырастет, тогда и снимет он с нее, то есть с меня, шкуру.

Скоро, Митяй начал выпускать меня из клетки. Но я не торопилась убежать. За окном была зима. Куда побежишь? Кормил он меня хорошо, ухаживал, чистил клетку, расчесывал шерсть. Живи и радуйся. И я бы, радовалась, если бы не услышала, как Митяй в разговоре с Геней, посетовал, что последний раз он выследил михрялок четыре года назад. То-

гда ему повезло застрелить сразу двух. У них еще должен бы быть детеныш, но он его не нашел.

Теперь, я знала, кто убил моих родителей. И я стала вынашивать план мести. Ну, что могла сделать маленькая слабая михрялка этому лохматому великану?

Я измучилась, придумывая самые невероятные способы мести. У меня пропал аппетит и сон. Даже, шерсть потускнела и стала вылезать клочьями. Митяй забеспокоился. Он решил, что я чем-то заболела, и теперь, часами просиживал в интернете в поисках причин происходящего со мною. Он и с Геной советовался. Но тот сказал что, пока не поздно, надо снять с меня шкуру и успокоиться. Тогда, Митяй начал ему рассказывать, сколько сил он потратил, чтобы меня выследить и поймать. И я узнала, как это ему удалось. Оказывается, он совершенно случайно, всего на одно мгновение, увидел, как мелькнул в кустах мой хвост. Но, он был опытным охотником, и сразу понял, кому принадлежит этот хвост. Потом,

несколько дней просидел в засаде, пока снова не увидел меня. Теперь, он знал, где я живу. Оставалось, только меня поймать. Я была нужна ему живая. Он принес духовую трубку, такую, как используют индейцы на охоте. Они стреляют отравленными стрелами, а Митяй выстрелил в меня дротиком с парализующим лекарством. Все, так просто.

Зато, я теперь знала, как я справлюсь со своим мучителем. Я обездвигу его при помощи этих дротиков, а потом.... Потом, например, я откушу ему нос и отгрызу уши. Или, нет. Я возьму его самое большое ружье и выстрелю ему прямо в сердце. Будет знать! Нет, сначала я возьму его за хвост, как он меня, и буду его разглядывать со всех сторон. Ах, да, у него же нет хвоста. Ну, тогда за бороду. А потом, я сниму с него шкуру и сошью из нее шубу. Я так размечталась, что сразу успокоилась. У меня и аппетит появился, и сон налачился, и шкурка перестала вылезать клочьями. Хотя, я так и не придумала, пока, что сделаю с Митяем, когда он будет лежать такой большой и беспомощный. Конечно, ничего из того, что я напридумывала с начала, я не сделаю. А так хотелось бы! Ладно, еще придумаю.

Митяй, давно уже, не запирает меня в клетку даже, когда куда-нибудь уходил. Дождавшись, когда он ушел, я залезла в шкаф с охотничьими припасами. И сразу же, наткнулась на коробку с дротиками. Коробка была не запечатана и в ней лежали пять хорошеньких, пять замечательных снарядов для охоты на охотников. Теперь, трубка! Где же, она? Я ведь, не знала, как она выглядит. В конце концов, я все-таки, нашла эту трубку. Она оказалась, довольно длинной. И, что самое неприятное для меня, тяжелой. Я сначала, расстроилась, но подумав, решила, что воткну дротики в Митяя без всякой трубки. Подойду и воткну. Выберу подходящее время, подойду, и к-а-а-а-к воткну! Вот, придумаю, что с ним потом

сделаю, и воткну!

Время шло. Уже и зима закончилась, и весна и лето, а я все не придумала. Митяй, последнее время, стал часто пропадать по нескольку дней. Оставит еды и воды больше, чем всегда, и уедет. Вот, в один из таких длительных его отъездов, приятель Митяя Гена чуть не нарушил все мои планы.

У Митяя была привычка, разговаривать с самим собой вслух. Он и со мной разговаривал. Хотя, даже и представить себе не мог, что я его прекрасно понимаю. Из этих, его разговоров я узнавала много важных вещей. В этот раз, я узнала, что его не будет три, а может быть, даже четыре дня. Два дня прошли спокойно, без происшествий, а на третий день, вечером я услышала как кто-то открывает входную дверь. Сначала, я подумала, что это Митяй. Но звук шагов был совсем незнакомым и я, на всякий случай, спряталась в углу, за большим цветочным горшком, в котором торчал давно засохший цветок. В комнату вошел, я сначала, даже не поверила своим глазам, Митяй. Только, он был выше ростом, и очень худой. А борода, длинные волосы, лицо: все, точь-в-точь, как у Митяя. Но это, конечно, был не он. Незнакомец увидел пустую клетку и выругался. Он сходил в маленькую комнату, потом на кухню, потом в ванную комнату – искал меня.

– Михрялочка, выходи! – Позвал он. – Все равно, я тебя найду. Я не такой жадный, как Митяй. Мне хватит и твоей маленькой шкурки. Мне некогда ждать, когда ты вырастешь.

Вылезай, глупенькая. Я же для тебя стараюсь, не хочу, чтобы ты

мучилась. Я тебя убью не больно.... – Говоря все это, он обходил комнату, заглядывая за шкафы, за диван, даже за батареи. И подходил все ближе и ближе к углу, в котором я затаилась. Жизнь моя повисла на волоске, но я, почему-то не испугалась. Я, вдруг, поняла, кто этот человек. Это же, Гена. И никакой он не друг Митяя, а его брат. Хорош! Родного брата ограбить решил! Я сосредоточилась, и в голове у Гены зазвучал голос Митяя.

– Эх, Гена – Гена! Не ожидал я от тебя такой пакости! Ну, теперь, я за себя не отвечаю! Повыдергиваю тебе руки и ноги, не посмотрю, что брат! Ходи теперь, и оглядывайся!

Гена, от неожиданности, вытаращил глаза, побледнел, стал затравленно оглядываться по сторонам. А я, решила еще нагнать страха.

– Ну, чего башкой вертишь? Хотел с моей михрялочки шкуру снять? Теперь, я с тебя шкуру сниму и чучело сделаю! – Тут, Гена не выдержал. Он, как-то по мышиному, пискнул и, не разбирая дороги, бросился к двери. Споткнулся о табуретку, упал, ударившись головой о ножку стола, вскочил, опять упал. Поднялся, и с воем, выскочил из квартиры.

Митяй вернулся на следующий день. Вечером, сел к телефону, и стал названивать брату. Но тот, не брал трубку.

На следующий день, и на следующий, Гена не отвечал. Митяй забеспокоился и решил съездить к брату. Вернулся мрачнее тучи. Сначала, долго молчал, но потом, по своему обыкновению, стал сам с собой разговаривать. И я поняла, что на Гену, произошедшее, произвело такое сильное впечатление, что его забрали в больницу. А когда Гена увидел Митяя пришедшего его навестить, он завизжал, залез под кровать и кричал оттуда, что никому не позволит сделать из своей шкуры чучело, даже своему родному брату.

С этого дня, Митяй больше никому не звонил, но зато, стал разговаривать со мной, как будто я была человеком. Иногда, мне было даже, жалко Митяя. Это был одинокий, озлобленный на весь свет, жестокий человек. Не знающий, что такое радость, и потому, несчастный. Мы, я и он, каждый по-своему, привязались друг к другу. Ко мне он относился очень хорошо и мне не за что было на него обижаться.

Но, раз в неделю, по субботам, он брал рулетку и измерял меня от носа до кончика хвоста, а потом аккуратно записывал результат в тетрадку, напоминая мне о том, что меня ждет в недалеком будущем. В его отсутствие, я посмотрела в интернете, на сколько, я должна вырасти. Оставалось еще очень много – пятнадцать сантиметров.

Так прошло, еще, два года. Я подросла на шесть сантиметров. Митяй, все чаще пропадал из дома. Брал из шкафа ружье, патроны и исчезал на несколько дней. Возвращался всегда с добычей. То зайцы, то утки, то другая дичь. Охо-

тился он даже тогда, когда сезон охоты был закрыт. Угол в прихожей был завален шкурами погибших животных. Уже потом, из интернета, я узнала, что таких охотников называют браконьерами.

У Митяя была одна маленькая слабость, на которую, очень долго, я не обращала внимания. Он очень гордился своей бородой и волосами. Я никогда не видела в его руках расчески, но зато, он мог часами просто сидеть перед зеркалом и любоваться своей растительностью. А когда я обратила на это внимание, в моей

голове, пока еще не четко, начал складываться план мести.

Сколько раз, я благодарила судьбу за то, что она привела меня в школу. Уметь разговаривать, это конечно, очень хорошо. Но, умение читать, поднимает тебя совсем на другой уровень. Очень жаль, что у Митяя было совсем не много книг. Я их перечитала по два-три раза. И если бы не интернет, я бы умерла от скуки. Я наблюдала за хозяином, как он пользуется компьютером, а в его отсутствие, пробовала сама. Не сразу, но у меня получилось. И теперь, я могла найти ответ на любой вопрос. И про браконьеров, и про сезон охоты, и про наказание за браконьерство.

Пролетел еще один год. Приближалось лето. В последний раз, когда Митяй меня измерил, он как-то гадливо улыбнул-

ся. Эта улыбка не сулила мне ничего хорошего. И я решила не испытывать судьбу, а действовать. Скоро, Митяй опять собрался на охоту. Когда он уехал, я включила компьютер, и написала такое письмо:

«Дорогие, миленькие полицейские! Я, ужасно злой браконьер Митяй. Я убил очень много разных животных, и мне совершенно не стыдно. Меня хлебом не корми, дай поубивать всяких зверей. У меня есть три ружья, а разрешения на них, нет. Захочу, куплю себе еще одно ружье. А вас, я не боюсь потому, что вы не знаете, где я живу. Я сегодня приехал с охоты и привез новую добычу. Она лежит в ванной. А свой адрес я вам не скажу. Не приезжайте на улицу лейтенанта Шмидта, дом двадцать один, квартира восемнадцать. Я вам дверь не открою, потому что я ее, даже запирать не буду, потому что я вас нисколечко не боюсь. С приветом. Крепко целую. Митяй». Потом, я сохранила письмо, чтобы, когда будет нужно, отправить его на «горячую линию» в полицию. Достала коробку с дротиками. Все, пять штук, были на месте. Достала дротики из коробки и спрятала их под столом, а пустую коробку положила на место, в шкаф. Достала из стола большие ножницы. Это был самый главный инструмент моей мести. Все было готово. Я стала ждать приезда Митяя. Время тянулось ужасно медленно.

Прошел день, второй, третий, а его все не было. Прошел еще день. А Митяй, так и не появился. И тут, я не выдержала, испугалась. А вдруг, с ним что-то случилось? Может, волк

съел или медведь. Или, может быть, он под машину попал. Я тут жду, надеюсь, а он лежит себе на мокрой мостовой и даже не думает домой идти, а думает ехать в больницу. Какой же он коварный! Я бы, так никогда не поступила. Хотя, чего хорошего можно ждать от браконьера?

Пока я так переживала, в прихожей щелкнул замок, и я услышала знакомые тяжелые шаги. Не заходя в комнату, как всегда, он направился в ванную и оставил там свою добычу. Вошел, включил свет. Я бросилась к нему, изображая радость. Он погладил меня за ухом, а потом, вдруг ловко схватил и сжал так сильно, что у меня перехватило дыхание. А Митяй достал из стола рулетку и начал меня измерять.

– Ну, хотя бы, еще два сантиметра. – Проворчал он. – Мне за тебя обещали целую кучу денег. Что ж ты так медленно растешь? Чем тебя кормить-то?

Он отпустил меня, и вдруг, включил компьютер.

– Сейчас посмотрим, какие витамины тебе давать для роста.

Сейчас, он увидит письмо и все пропало. Нужно действовать немедленно. Пока компьютер «грузился», я юркнула под стол, схватила два дротика, метнулась к Митяю, и что было силы, воткнула их ему в ногу. Я предполагала, что для такого большого тела одного дротика будет мало, но мало оказалось и двух. Лекарство, конечно, подействовало, но

очень слабо. Митяй почувствовал укол, увидел торчащие в ноге дротики, грубо выругался, хотел меня схватить, но руки его уже плохо слушались. Я увернулась, бросилась под стол. Еще два дротика вонзились ему в другую ногу. Теперь, он уже не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Он рухнул со стула на пол и лежал неподвижно, как бревно. Я воткнула в ногу пятый, последний дротик. Компьютер уже «загрузился» и я отправила заготовленное письмо по назначению. Оставалось, завершить месть. Я взяла ножницы, и начала, не спеша, отрезать ему бороду и волосы. Это было нелегко, но я справилась. Я специально, обрезала его гордость и любовь – волосы и бороду, не ровно, а клочьями. Не знаю, правильно ли я поступала, но мне хотелось унижить его за себя, за всех тех несчастных животных, которых он лишил жизни.

Когда работа была закончена, Митяй представлял собой такое жалкое и смешное зрелище, что полицейские вряд ли останутся равнодушными. Да, полицейские! Нужно открыть входную дверь. Я, в отсутствие Митяя, научилась это делать легко и быстро. Едва я успела отпереть замок, как за дверью послышались шаги, потом зазвенел звонок, а потом дверь открылась, и в квартиру вошли люди в форме. Я успела спрятаться и меня не заметили. Когда они вошли в комнату и увидели Митяя, неподвижно лежащего на полу, они подумали, что он не живой. Но потом увидели его глаза, дротики, торчащие из обеих ног, поняли, в чем дело и начали так хохотать, что казалось, еще чуть-чуть и всех троих хватит удар.

Они катались по полу, бились головой о стену, ползали на четвереньках вокруг Митяя. Насмеявшись, они начали фотографировать его на телефоны, а потом, по очереди, стали делать сэлфи с ним в обнимку.

Нарезвившись вволю, они обошли квартиру, и нашли и засохшие шкуры, и новую добычу, и оружие, и патроны. Потом приехал доктор, осмотрел Митяя и сказал, что с ним все в порядке и через час или два он придет в себя. Что будет дальше, мне стало не интересно. И я выскользнула из квартиры вслед за доктором.

За годы жизни у Митяя, я подзабыла о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться михрялке. Но, для меня тогда, самым важным, было вырваться на свободу. И я это сделала. Как могла, я отомстила ненавистному охотнику. И теперь, нужно было все начинать заново. Искать место для жилья, заботиться о пропитании, не забывать о безопасности. Пока я жила у Митяя, я много об этом думала и пришла к выводу, что около людей жить, конечно, комфортнее, но вдали от них, безопаснее. Два дня мне понадобилось на то, чтобы выбраться из города. Сколько лет я просидела взаперти? И вот, наконец-то, я в лесу!

Весь день я потратила на то, чтобы, как можно дальше, уйти от опушки. Первую ночь я провела в кроне большого дуба. А утром позавтракала прошлогодними желудями и отправилась дальше. Не знаю, какое расстояние за эти дни я прошла, но по моим расчетам, достаточно далеко, чтобы не

встретиться с людьми. Трудно было найти подходящее место для жилья. Я остановила выбор на толстом развесистом дереве с просторным большим дуплом расположенном высоко от

земли. Вода была совсем недалеко, в небольшом лесном ручейке. Трудновато было, опять, привыкать к пище, состоящей из корешков, листиков, червяков и жуков.

Но постепенно, все встало на свои места и я уже, почти не вспоминала о человеческой еде, о мягкой теплой подстилке и беззаботной жизни в неволе. Незаметно, прошли лето и осень. Наступила зима. Выпал снег, и появилась проблема. Это – следы. По следам любой охотник, если он забредет в эти места, сразу найдет мое гнездо, и тогда, мне несдобровать. Я старалась, пореже, вылезать из дупла, прыгала с дерева на дерево, как белка. Но, даже после снегопада, следы оставались. И опытный охотник, без труда, нашел бы мое жилье. Особенно, если он будет с собакой.

В конце зимы все так и произошло. Я лежала у себя, в дупле. На улице падал легкий снежок. Ветра не было. В лесу стояла необыкновенная, какая-то торжественная, тишина. И вдруг, в этой тишине раздался громкий собачий лай. Вот он все ближе и ближе. Вот уже, у самого дерева. Я аккуратно выглянула и увидела внизу беснующуюся лайку. А вон, и охотник торопиться на собачий зов, утопая по колено в снегу на своих лыжах.

– Ну, кого ты там нашла? Это не беличьи следы и гнездо не беличье. Хватит лаять, я уже здесь, успокойся! – Крикнул он собаке. И собака, послушно, замолчала. Потом, на некоторое время, все стихло. Только было слышно, как поскрипывает снег под его лыжами. Видимо, он изучал следы.

– Нет, это не белка и не рысь. Не знаю.... Неужели, это михрялка? Михрялка, михрялочка, вонюченькая шкурочка. – Запел он. – Как же мне тебя достать?

– Ну, это мы еще посмотрим, как это ты меня доставать будешь. – Подумала я, и в ту же секунду, придумала, как избавиться от непрошенных гостей. Я закрыла глаза, сосредоточилась, и в голове у охотника зазвучал голос диктора телевидения Кириллова: «Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Российской Федерации. Слушайте важное правительственное сообщение! Сегодня, Президент Российской Федерации подписал указ о защите вымирающих животных занесенных в Красную книгу. Этим указом запрещается отстрел и отлов михрялок, амурских тигров и мышей полевок (зачем я сюда приплела мышей полевок, сама не знаю). За нарушение указа предусмотрено суровое наказание – пожизненное лишение свободы с конфискацией имущества». Внизу, под деревом несколько секунд стояла мертвая тишина. Потом, заскрипел снег. Все тише и тише – шаги удалялись. Было слышно, как поскуливает собака, не понимая, почему хозяин уходит без добычи.

Остаток зимы я, почти не вылезала из своего домика. На-

конец, снег растаял, наступила весна. Лес ожил. И я отправилась в путь. Подальше-подальше от людей. Сколько дней я шла, сейчас уже, и не вспомню. Долго. Очень долго. Дошла до болота. Куда не повернешь, везде болото. А потом, я обратила внимание, что везде растет мох сфагнум. А это значит, что вода в этом болоте чистая. Я решила плыть. Должен же быть у этого болота другой берег. Михрялки, хоть и боются воды, но хорошо плавают и я поплыла.

Когда я доплыла до твердой земли, радости моей не было предела. Остров среди бескрайнего болота, на острове заброшенная, но вполне еще целая, избушка с множеством нужных и ненужных мне вещей, чистая питьевая вода, еда прыгает под ногами, грязи, сколько хочешь. В общем, я решила, что лучшего

места мне никогда не найти. Я провела там четыре года и уже почти перестала опасаться, что кто-то из людей окажется на моем острове.

И вот, выхожу я, как всегда, утром наловить на завтрак лягушек и вижу, лежит на берегу девочка. Мокрая, замерзшая, с высокой температурой, без сознания. Это была моя подружка, Лизавета. А дальше, вы знаете.

Дуся замолчала. За столом воцарилась тишина. Лизаветина бабушка и бабушка Ильинична сидели, подперев головы руками. По щекам у них текли слезы. Все молчали. А потом, все заговорили одновременно, перебивая друг друга. Каж-

дый хотел сказать Дусе что-нибудь хорошее, доброе. А потом Дедушка встал и торжественно обратился к засмущавшейся михрялке:

– Вот, Дуся, ты назвала Лизавету своей подружкой. А можно, я тоже буду твоей подружкой? Ой, вернее, другом?

– И я! – закричала Бабушка.

– И я! – подхватила бабушка Ильинична.

Вообще-то, михрялки не умеют улыбаться. Но Дуся научилась. Она сидела, кивала головой и улыбалась. Она была счастлива.

ГЛАВА 3

Охота на Дусю

Наступило для Лизаветы и Дуси счастливое времечко. Беззаботно и весело проходило время и не хватало дня, чтобы наиграться и чтобы переделать все очень важные дела. Деревенские девчонки, первое время, еще чувствовали себя виноватыми. Но потом, это чувство испарилось под жарким летним солнцем и они все чаще подходили к забору и молча наблюдали за Лизаветой. Но видя, что Лизавета не обращает на них никакого внимания, перестали приходить, решив между собой называть ее воображалой.

Но скоро, интерес к Лизавете вспыхнул снова. Почтальон принес районную газету, а в ней, на первой странице большая фотография Лизаветы со всей семьей. Корреспондент

сфотографировал их в тот день, когда они вернулись из леса. Кроме фотографии, в газете был большой очерк о пропаже и поисках девочки. Не было только в газете ни слова о Дусе. О михрялке Дусе. Еще по пути домой они договорились никому не рассказывать о ней. Пусть все думают, что это просто кошка. И на этой фотографии, у дедушки на руках, свернувшись клубочком, лежит Дуся. Все, кто видел эту фотографию, так и думали, что это кошка. Но, как оказалось, все, да не все.

Вот тут, самое время рассказать еще о двух персонажах нашей истории. В районном городке, в десятке километров от деревни, где отдыхала Лизавета, жили два приятеля, Вовчик и Левчик (так они называли друг друга). А вообще-то, их звали: одного – Володя, а второго – Лев или Лева. Их и друзьями-то не назовешь, но держались они всегда вместе потому, что никто больше с ними никаких дел иметь не хотел. С грехом пополам, отсидели они вместе за одной партой девять лет. Учителя перекрестились, когда эти два балбеса кое – как сдали выпускные экзамены. А после школы, вместо того, чтобы взяться, наконец, за ум, они, наоборот, пустились во все тяжкие. Ни образования, ни специальности, ни работы. Перебивались случайными заработками, а то и просто, воровством или мошенничеством. Так дожили до двадцати лет. Порядочные люди с ними не общались, а вот нечистые на руку, нередко пользовались услугами Вовчика и Левчика.

В городском парке, в самом дальнем, густо заросшем ку-

старником углу стояла скамейка, на которой любой желающий мог почти всегда застать сладкую парочку. «Сладкая парочка» – это не я придумал, а так их прозвали люди. Ну и мы, иногда, тоже будем их так называть. Так вот, однажды вечером, когда Вовчик и Левчик, сидели на своей любимой скамейке, мучаясь от безделья и безденежья, к ним подсел незнакомый гражданин. Он показал им ту самую газету. И сказал, что ему нужен тот самый зверек, который был на фотографии. Нужен живой. Это не кошка какая-нибудь. Поэтому обращаться с ним бережно. Заполучить его не просто, поэтому им надо поехать в ту деревню, поселиться там, втереться в доверие к хозяевам зверька, а потом его похитить. Сделать нужно все аккуратно, чтобы его, потом никто найти не смог.

– За все это, – сказал человек – я плачу вам хорошие деньги. – И он протянул сладкой парочке пакет. – Здесь ключи от машины – она вам понадобится, телефон и деньги. После выполнения, получите еще столько же. В деревне представьтесь геологами в отпуске. Связь со мной по телефону. И еще раз, с животным обращаться бережно. Машина у входа в парк. Все.

Мужчина встал и, не прощаясь, исчез в темноте. Вовчик и Левчик, как зачарованные долго сидели молча, не решаясь пошевелиться. Что это было? Кто это был? Он ведь даже не представился. Они робко заглянули в пакет. Там, помимо телефона и ключей от машины, лежала толстая пачка тыся-

черублевок. Сладкая парочка в жизни таких денег в руках не держала. Они вскочили со скамейки и, не сговариваясь, пустились в пляс. Такой

танец могли бы исполнить, наверное, только людоеды племени тумба-юмба. Хотя, куда им, этим людоедам, до Вовчика и Левчика! Наплясавшись и немного успокоившись, они бросились к входу в парк. Действительно, у входа стояла машина. Это был, конечно, не «мерседес», а старенькие «жигули» морковного цвета, но это была ИХ машина! Жизнь, в течении пятнадцати минут резко поменялась. Теперь, у них были деньги, была машина и была работа. Какая-то странная, но работа. Кстати, задание не показалось им сложным – подумаешь, украсть какого-то зверька. Они еще и не такое могут!

На следующий день, ближе к обеду, по деревенской улице медленно ехали «жигули» морковного цвета. Как обычно, деревенские улицы немногочисленные, поэтому спросить, кто сдаст приезжим комнату, было не у кого. Так оранжевые «жигули» и доехали до последнего дома. И тут, за забором, Вовчик и Левчик увидели ту самую девочку с фотографии. Только они хотели выйти, как к машине сзади подошла бабушка Ильинична. Спросила, чего молодежь ищет, а услышав, что хотят снять комнату, предложила, поселиться у нее. Второй день – сплошное везение! Поселились.

Рассказали, что они геологи, в отпуске, хотят отдохнуть.

Бабушка Ильинична, конечно, поверила. А они, решили не спешить с выполнением задания, а и вправду, хорошенько отдохнуть. Спросили, где речка и пошли купаться.

Прошло три или четыре дня и Вовчику с Левчиком уже поднадоело купаться и загорать. И опять им помогла бабушка Ильинична. В этот день дедушка, как на грех, сорвал спину и никак не смог пойти за водой к колодцу. И Ильинична попросила постояльцев. Так, мол, и так, помогите, если не трудно. А они и рады стараться – все, какое никакое, а развлечение. Принесли воды, познакомились с Дедушкой, Бабушкой, Лизаветой. А вечером были приглашены на чаепитие. Все сложилось само собой. Так и повелось: днем они воды принесут, а вечером чай распивают вместе со всеми. Прошло-то, всего, полторы недели, а Вовчик и Левчик сами себя не узнают – всюю помогают по хозяйству и Ильиничне и Бабушке с Дедушкой, ходят, ищут, чем бы еще заняться. Ильинична не нарадуется на постояльцев. Да и Бабушка с Дедушкой довольны. Ведь, что сладкая парочка придумала. Нашли в сарае колеса от старой коляски и смастерили тележку – воду от колодца возить. Дедушка удивляется, неужели сам додуматься не мог.

Вместе со взрослыми, прониклась доверием к Вовчику с Левчиком и Лизавета. Только Дуся, как-то все, их сторонится, не идет на руки, убегает, когда кто-то из них пытается ее погладить. А им так понравилось жить в деревне, что они даже о задании забыли. Вспоминали иногда, перед сном, но

тут же и забывали. Дуся все пыталась прочесть их мысли, о чем они думают. А днем-то, они думали: чего бы еще нужно-го, полезного сделать, чем помочь старикам. После того, как Вовчик с Левчиком смастерили для Дуси кровать, она так растрогалась, что чуть не сказала им «спасибо», да вовремя спохватилась, прикусила язык. Теперь и у нее недоверие постепенно стало пропадать.

Прошло почти три недели. Поздно вечером, когда сладкая парочка укладывалась спать, вдруг раздался телефонный звонок. Левчик посмотрел на дисплей. Там высветилось вместо имени слово «хозяин».

– Алло!

– Как двигаются наши дела? Постарайтесь повернуть все побыстрее. Я не могу долго ждать.

– Хорошо, постараемся. – Ответил Левчик. В ответ раздалась короткая гудки.

Вот и отдохнули. Кончилась беззаботная пора – нужно задание выполнять. А выполнять, ой, как не хочется! Привязалась сладкая парочка и к Бабушке, и к Дедушке, и к бабушке Ильиничне, и к Лизавете с Дусей – хорошие они люди. Как таких обманешь? А деньги-то, получены и еще столько же обещано. Нет, надо выполнять то, что обещали! Да как же так, они же ни слова тому мужику не сказали и ничего не

обещали, а он и не спрашивал. Может, ну его, с его машиной и деньгами. Деньги, что не потратили, вернем. Скажем, что не получилось украсть зверька. Извинимся.

Так размышляли Вовчик с Левчиком после телефонного звонка. А телефон вдруг, снова зазвонил. Левчик включил телефон и нажал кнопку громкой связи.

– Забыл вас предупредить, – голос «хозяина» звучал угрожающе – я не люблю, когда меня обманывают. Я наслышан о ваших способностях. Поэтому, не советую лукавить. Вы со мной по-честному, и я с вами по-честному. А, иначе, я вам не завидую. Спокойной ночи!

Спокойной ночи. Как тут заснешь? Всю ночь проворочались без сна и Вовчик и Левчик, а придумать, что же делать, так и не придумали. Встали с большой головой. Даже завтрак не пошли, сказались больными. Думай не думай, а делать надо. Решили ждать какого-нибудь подходящего случая. А как узнаешь, подходящий случай или нет? В общем, ходили они весь день сами не свои. Вечером, даже, чай пить не пошли. Заперлись у себя в комнате, сидели, мучились. Бывает же такое: всю жизнь они прожили не о чем не думая. Жили одним днем – день прошел, и ладно. А тут, встретили хороших людей, которые в сладкой парочке разглядели и разбудили то хорошее, чего они сами в себе разглядеть не смогли. Вот и задумались. Ну, да, утро вечера мудренее. Так ничего не решив, легли спать.

А утром, пришла Ильинична. Предложила завтра пойти

в дальний лес за грибами. В нашем-то лесу всяких грибов полно, а белых совсем мало. А в дальнем лесу, наоборот, белых полно, а всяких других мало. Правда, идти далековато. А Вовчик ей – зачем идти, если машина есть. Доедем с ветром! На том, и порешили.

Днем ходили с Лизаветой и Дедушкой на речку. Научили Лизавету плавать. И так вместе с ней радовались, что начисто забыли о своих грустных мыслях. И не вспоминали до самого позднего вечера. А вечером решили, что, вот съездят за грибами, а там, видно будет. Утром вышли с Ильиничной к машине, а там уже дедушка с Лизаветой ждут. А Лизавета с Дусей. Вот так номер! А они-то думали, что поедут только с Ильиничной. Да такой компанией, в сто раз веселее!

За разговорами, не заметили, как доехали до дальнего леса. Остановились на опушке. Договорились: друг от друга далеко не отходить, «аукаться», а корзинки с грибами нести к машине, ставить в багажник полные и брать пустые. На каждого по две корзины. Только от машины отошли, а белые – вот они. Видимо-невидимо. По первой корзине набрали быстро. А вторые, ну никак, не хотели наполняться. Одна Лизавета расстаралась. У нее корзина маленькая. Понесла она ее к машине, а Вовчик с Левчиком провожать пошли, чтоб не заблудилась. Лизавета корзину несет, Дуся у нее на плече сидит, а сзади,

сладкая парочка следует. К машине подошли. Пока Лизавета свою корзину в багажнике пристраивала, Вовчик подо-

шел сзади, да и надел ей на голову мешок. А Левчик нащупал через мешок Лизаветин рот и быстро-быстро замотал это место скотчем – чтоб не кричала. Связали ей руки и ноги и сунули в машину. А в мешке, вместе с Лизаветиной головой, оказалась Дуся.

Когда отъехали от леса километра два, Левчик и спрашивает Вовчика:

– Ты зачем Лизавете мешок на голову надел? – А Вовчик ему:

– А ты зачем ей рот скотчем замотал?

– Я замотал, чтоб не кричала. А мешок-то ты зачем надел?

– Я Дусю ловил.

– Поймал?

– Поймал. Только вместе с Лизаветой. А что, может, она «хозяину» пригодится? –

Неуверенно спросил Вовчик.

– Как бы, «хозяин» нам за нее головы не оторвал. Ясно же было сказано, ему нужен только зверек. Его и искать никто бы не стал. А теперь,

из-за девчонки, всю полицию на уши поставят. Эх, Вовчик, что же теперь делать-то?

Пока они так пререкались, Дуся даром времени не теряла. Сначала, она прогрызла в мешке дырку и вылезла наружу. Потом перегрызла веревки на ногах и руках Лизаветы. Потом залезла обратно в мешок и на ухо пошептала девочке – велела молчать и не подавать вида, что руки и ноги освобождены. Потом, опять вылезла из мешка и перегрызла скотч, которым был замотан рот девочки. Потом, влезла обратно в мешок и затихла на плече Лизаветы. Нужно было понять: чего хотят злодеи, для чего им понадобилась Дуся.

А сладкая парочка, как всегда, сначала сделала, а потом стала думать. Думать, как это можно исправить. Решили позвонить «хозяину». Позвонили. Рассказали, что да как. А он им:

– Я вас предупреждал, все сделать тихо, без шума. А теперь, шума будет на всю округу. Мне ваша девчонка не нужна. Куда хотите, туда девайте. Хоть в землю заройте. А зверька я у вас завтра заберу. Встречаемся в парке, как в прошлый раз. – «Хозяин» повесил трубку. Вовчик и Левчик молча сидели в машине и осмысливали то, что сказал «хозяин».

– Левчик, я не хочу Лизавету в землю зарывать. Мы что, зря ее плавать учили?

– И я не хочу. Она добрая и у нее глаза голубые. И вообще, я хочу обратно, в деревню. Хочу чай из самовара. – Отвечал Левчик.

– Там, в лесу, Дедушка с Ильиничной, наверное, с ума сойдут – куда мы все подевались, а мы тут. И Лизавета в мешке. Давай, снимем мешок, освободим ее. И, надо скорей ехать обратно.

– Можете не стараться! Я уже освободилась! – Лизавета сама сняла с головы мешок и бросила на сиденье. – Вот вы, значит, какие! Предатели! Поехали быстрее! А еще плавать учили, бандиты! – Лизавета никак не могла успокоиться. Левчик развернул машину, и она понеслась обратно.

Это рассказывать долго, а на деле все эти события заняли всего пятнадцать минут. И когда машина подъехала к лесу, дедушка с Ильиничной все еще собирали грибы. Вовчик и Левчик стали просить Лизавету ничего им не говорить. Они обещали сами все рассказать вечером. Дуся шепнула подруге на ухо, чтобы та соглашалась, и Лизавета кивнула головой:

– Ладно, поверю. Так и быть. Только попробуйте обмануть. Я тогда, не знаю, что с вами сделаю! – Надо сказать, что Лизавета, хоть и была неприятно удивлена поступком сладкой парочки, но ничего не могла с собой поделать – они ей нравились. Они были добрые и веселые. Слово свое она сдержала. Дотерпела до вечера. А вечером, когда уже выпили по одной чашке чая, бабушка Ильинична, вдруг, говорит:

– Чтой-то, какой день, вы, голуби сизокрылые, сами не свои. Или случилось что, или натворили что? Ну-ка сознавайтесь.

Не стали Вовчик с Левчиком юлить да выкручиваться. Рассказали все, как на духу. И

что никакие они не геологи, и что приехали сюда с черными мыслями, и про мужика того странного, и про то, что, что-то с ними произошло и не смогли они ответить злом на добро. Рассказывали, перебивая друг друга. Каждый торопился выговориться. Видно было что не лукавят, говорят от чистого сердца. А когда Вовчик, еще, и заплакал, как ребенок, навзрыд, тут уж все женское население не выдержало и заревело следом. Левчик, тоже, сидел, шмыгал носом. Только Дедушка не позволил себе такой слабости, да Дуся. Все-таки, михрялки не люди и плакать не умеют. Зато, они очень хорошо чувствуют, когда врут, а когда говорят правду. Поэтому Дуся с Лизаветиного плеча перебралась на плечо к Вовчику и лапкой погладила его по голове. Вовчик, вместо того, чтобы успокоиться, зарыдал еще сильнее. Тут уж, видя, как он переживает, все бросились его успокаивать. Когда все наплакались вдоволь, и начали улыбаться, Бабушка сказала:

– А ведь вам в город-то возвращаться нельзя. Опасно. Да, и ни к чему. Поживете у нас. Если что, мы вас спрятать сумеем. А в городе вы пропадете.

– Оставайтесь, оставайтесь! – Поддержал Дедушка. А за ним, и Лизавета с бабушкой Ильиничной.

– А что же делать с мужиком этим? С «хозяином»? – спро-

сил Левчик. – Утром решим. Утро вечера мудренее. – Ответил Дедушка.

На следующий день, после завтрака, все снова собрались за столом у самовара. Но в этот раз чай не пили. Не до чая было.

– Вот, что я придумал: – сказал Дедушка – есть у меня в городе знакомый полицейский. Я поеду в город и расскажу ему все, как есть. Может он что-то посоветует. А вечером встречусь с этим «хозяином», верну ему остаток денег и ключи от машины и попрошу, чтобы он оставил вас в покое.

План был, конечно, не очень. Но ничего другого, никто не предложил. Поэтому приняли его единогласно. Решили, что с Дедушкой поедут Вовчик с Левчиком и Дуся. Сначала, когда Дуся изъявила желание поехать с Дедушкой, все удивились. Но Дедушка так привык доверять ее интуиции, что сразу же согласился.

После обеда, все, кто участвовал в операции, сели в машину и поехали в город. Там, первым делом, зашли в отделение полиции. Дедушкин знакомый, майор Красотулин, был на месте. Он, с интересом, выслушал всю историю Вовчика с Левчиком и согласился помочь. Оказывается, этим странным гражданином полиция интересуется очень давно. За ним водятся, куда более серьезные грешки, чем похищение зверьков. Но поймать его, до сих пор, не удавалось.

Еще засветло, приехали в парк. Майор Красотулин велел Вовчику и Левчику спрятаться в кустах, и ни при каких об-

стоятельствах, не выходить. Сам спрятался тоже. А еще в кустах спрятались три сержанта, которых привел майор. Дуся затаилась в рюкзаке, который был за спиной у дедушки. Все приготовились терпеливо ждать. Но, видимо, все были готовы ждать, кроме, «хозяина». Потому, что едва все заняли свои места, он неожиданно появился возле скамейки, на которой сидел Дедушка. Он несколько раз,

нервно прошелся взад вперед мимо, пока Дедушка не окликнул его:

– Вы не Вовчика с Левчиком ждете?

– Ну, предположим. – Грубовато ответил гражданин. – А вы кто?

– Они не придут. Я выполняю их поручение. Вот, деньги. Они успели потратить совсем

немного. Вот, ключи от машины – она у входа в парк. И ваш телефон. Надеюсь, что ни я, ни они, никогда, с вами, больше не увидимся.

– Подождите, подождите, вы, я вижу, разумный человек. И мы с вами сможем договориться. Мне нужен зверек, который живет с вами. Михрялка. Мы будем с вами разводить этих михрялок. Их шкурки стоят очень-очень больших денег. Я готов поделиться с вами. Вы должны понимать, что

это очень выгодное занятие.

– И вам их не жалко? Их же, почти совсем, не осталось.

– Так я же и хочу их разводить. Так сказать, увеличить поголовье. – Чтобы, потом содрать с них шкуры? – Удивился Дедушка.

Дедушка не дождался ответа, потому что в круг света от фонаря, (к этому времени, уже успело стемнеть) вышел огромного роста человек в брезентовой куртке. В его, чисто выбритом лице, с абсолютно лысой головой, трудно было узнать нашего старого знакомого – Митяя. Но, когда он начал «шмыгать» носом, Дуся сразу его узнала.

– Если не ошибаюсь, здесь разговор идет о михрялках? – Спросил он. – А вы, еще кто такой? – Удивился «хозяин».

– А это, тебя не касается. – Грубо ответил Митяй. – Я думаю, что речь идет о моей михрялке, которая убежала от меня несколько лет назад. Здесь, во всей округе, не осталось ни одной михрялки, кроме моей. И я ее получу. Где она? У тебя? – Обратился он к Дедушке.

– Это, моя михрялка! – Закричал «хозяин».

– Твой, будет синяк под глазом! – Ответил Митяй и залепил «хозяину» такую затрещину,

что тот перелетел через спинку скамейки и застрял в кустах кверху ногами.

– Ну, так, где моя михрялка? – Митяй угрожающе наклонился над Дедушкой, продолжавшем сидеть на скамейке. Тут Дуся поняла, что настала ее очередь. Она сосредоточилась, напряглась, и тут же у Митяя в голове зазвучал голос его брата, Гены: – Эники Беники, ели вареники. Эники Беники клец, вышел пузатый матрос!

Митяя, будто кипятком ошпарили. Он отскочил от Дедушки и стоял, затравленно озираясь по сторонам. А голос Гены продолжал звучать у него в голове:

– У окошечка сижу, и в окошечко гляжу. Не садись на пенок, не ешь пирожок! Наш Митяй простота, купил лошадь без хвоста! Б-е-е-е-е!

Кроме Митяя, никто голоса Гены не слышал. Зато, и полицейские, и Вовчик с Левчиком из-за кустов, и Дедушка, и «хозяин» – все видели, что с этим лысым детиной произошло что-то необъяснимое. Он завертелся на одном месте, беспомощно вглядываясь в темноту и жалобным голосом позвал:

– Гена-а-а! Ты где-е-е? – А в голове у него:

– Б-е-е-е-е-е! – И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы «хозяин» не решил воспользоваться моментом. Он выбрался из кустов, бросился к Митяю и, как клещ, вцепился руками ему в горло.

– Моя михрялка! Моя! – Вопил он на всю округу. – Я ее нашел! Моя!

Митяй тут же пришел в себя и попытался разжать руки «хозяина». Но не тут-то было. Тот, как бульдог на великане, повис на Митяе, вцепившись в него мертвой хваткой. Тогда, охотник начал лупить «хозяина» своими огромными кулачищами. В какой-то момент, Митяй не удержался на ногах и противники оказались на земле. Тут же, из кустов выбежали полицейские и с большим трудом надели на драчунов наручники.

Майор Красотулин разрешил Вовчику с Левчиком, пока, пользоваться машиной.

«Хозяину», теперь, она понадобится очень не скоро. А вот, Митяя через пятнадцать дней отпустят, поэтому майор посоветовал быть начеку. Кто знает, что у него в голове? Или с головой? Домой вернулись уже за полночь. Когда вышли из машины, увидели, что Бабушка с бабушкой Ильиничной и Лизаветой сидят за столом у самовара. Лизавета побежала навстречу, схватила Вовчика с Левчиком за руки и потащила к столу.

– Садитесь, самовар только что вскипел! А где моя Дуся?– Дедушка приложил палец к губам. Дуся, как дорогой воротник, устроилась у него на плечах и крепко-крепко спала.

Глава 4

Конец охоты

Вы заметили: когда ждешь, чего-нибудь хорошего, ну например, дня рождения или

Нового года, то время тянется медленно-медленно. Прямо, как на зло! А когда происходит что-то замечательное, или просто, очень хорошее, например, летние каникулы, то время летит с ужасной скоростью. Как будто, кто-то злой и вредный специально подгоняет его, чтобы хорошим людям этого очень хорошего и замечательного поменьше досталось.

Вот так, и с Лизаветой случилось. Когда утром, за завтраком дедушка сказал, что начался август, последний летний месяц, она ужаснулась: «Как же так, почему все молчат – не напишут президенту, что летние каникулы несправедливо короткие. Пусть, хотя бы, для отличников сделает каникулы подлиннее. А двоечники, да, пусть идут в школу. Хотя, двоечники, тоже люди....» Но Дедушка сказал, что летние каникулы на то и летние, потому что бывают летом. А лето – всего три месяца. И впереди, еще, целых тридцать дней. А это, не так уж мало! И тут, всего на минуточку, Лизавета взгрустнула потому, что вспомнила про Клавдию Михайловну. Но, это только на минуточку, потому что, пока еще, не время было думать о школе. Впереди было столько не переделанных дел, что прямо, голова кругом.

Если бы, кто-то из знавших Вовчика и Левчика в городе и

считавших их лоботрясами и бездельниками, увидел их сейчас, он бы, не поверил своим глазам. Трудолюбивее сладкой парочки во всей округе было не найти. И руки у них оказались золотые и головы работали хорошо. Когда они починили крышу в доме бабушки Ильиничны, к ней стали заходить старики и старушки из соседних домов, просить «одолжить» своих постояльцев. Кому-то, забор починить, кому-то, сарай построить.... Да мало ли в деревне дел, требующих молодой силы да умения. Никому они не отказывали. И хотя, теперь, у них дел было, невпроворот, но всегда, находили они время, чтобы поиграть с Лизаветой и Дусей. Надо сказать, что никто в деревне, в том числе и Вовчик с Левчиком не знали, что Дуся может разговаривать. Не знали, не знали, а потом узнали. Дуся сама себя выдала. Играли они вчетвером – Лизавета, Дуся и сладкая парочка, в прятки. Вовчик водил. Он нашел уже и Лизавету и Левчика, а Дусю все никак не мог. Зашел в сарай. А после яркого солнца, в сарае полумрак. Глаза еще не привыкли. Обошел все углы – нет Дуси. Видит, стоит лейка, возле лейки что-то валяется: то-ли тряпка, то-ли варежка. В полумраке, не разберешь. Ну, и наступил, нечаянно. А это был, никакая не тряпка и не варежка, а Дусин хвост. Самый кончик. Она думала, что его не видно. А его видно. Наступил и стоит как будто, так и надо. А Дуся как завопит:

– А-а-а-а-а! А ну, слезь с моего хвоста сейчас же! – А Вовчик, кроме лейки никого не видит. Вот вы, что бы вы сдела-

ли, если бы лейка велела бы вам слезть с ее хвоста? Вы вообще-то, видели когда-нибудь говорящую лейку? Да еще, с хвостом. Вот, и Вовчик, тоже, не видел. Он и хвоста толком не видел, поэтому и продолжал на нем стоять. А Дуся продолжала вопить:

– Мамочки рОдные! Да, слезешь ты с моего хвоста? А-а-а-а! Бандит! Уйди, а то укушу! Видит Вовчик, дело-то серьезное, сейчас лейка его еще и укусит, поэтому решил отойти от нее подальше и Дусин хвост освободил. Вылезла она из-за лейки, прижала к себе свой хвост, качает его, как младенца, гладит. Успокаивает боль. И продолжает ругаться на Вовчика.

– Непутевый, ты, что не слышал, что ли? Тебе кричала: «Слезь с хвоста!» Или ты глухой? Ой, мамочка, как же больно!

А Вовчик, после говорящей лейки, еще и Дусю говорящую увидел! Это, уж с лишком! Ведь непонятно, что лучше: говорящая лейка или говорящее животное Дуся. Наверное, чтобы найти ответ на этот вопрос, Вовчик сел на пол и безумными глазами молча смотрел, как Дуся, продолжая ругаться на него, успокаивает свой любимый хвост. И в это время в сарай вошел Левчик, а за ним Лизавета. Они ждали-ждали, когда Вовчик найдет Дусю, не дождалось и пошли его самого искать. А Дуся выговаривала Вовчику:

– Слеподырый! Если не видишь, куда наступаешь, то и не

наступай! Ой, бедненькая я! Бедненький мой хвостик!

Не буду врать, что Левчик не удивился. По-моему, очень даже удивился. Потому, что он сел рядом с Вовчиком, и такими же глазами, как у приятеля, уставился на михрялку. А Лизавета быстро оценила обстановку, все поняла, взяла Дусю на руки. Стала ее гладить и успокаивать. Наконец, та затихла. Да, и Вовчик с Левчиком немного пришли в себя. Взгляд стал осмысленным.

– А вы разве не знали, что михрялки разговаривают? – Притворно удивилась Лизавета. – Наша Дуся разговаривает и, еще, много чего умеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.